

ТОМАСЪ КАРЛЕЙЛЬ.

ТОМАСЪ Карлейль принадлежалъ къ числу такихъ писателей, которые въ литературѣ своей страны дѣлаютъ эпоху. Непосредственное вліяніе ихъ на умы согражданъ проходить, конечно, со временемъ, но авторитетъ ихъ остается вѣчнымъ и неизгладимымъ. Карлейль къ тому же былъ плодовитымъ владчикомъ въ англійскую литературу и создалъ своимъ вліяніемъ цѣлую школу писателей. Не часто и не многимъ изъ такихъ писателей, подобно Карлейлю, приходится достигать глубокой старости (онъ умеръ 25 января 1881 г. на 86-мъ году жизни) и видя плоды своей дѣятельности, самимъ убѣждаться въ томъ, что вліяніе ея, нѣкогда благотворное, смѣнилось инымъ, болѣе соответствующимъ и духу, и потребностямъ вѣка. Въ этомъ отношеніи небезынтересно прослѣдить хотя въ общихъ чертахъ характеръ литературной карьеры Карлейля, тѣмъ болѣе, что его сочиненія очень мало извѣстны русской публикѣ. Но прежде всего нѣсколько біографическихъ данныхъ.

Карлейль родился въ 1795 г., въ Думфрисшейрѣ, графствѣ южной Шотландіи. Шотландскій типъ былъ сильно отмѣченъ во всей его фигурѣ, а его говоръ всегда сохранялъ рѣзко мѣстный акцентъ. Отецъ предназначалъ его къ духовному званію и съ этой цѣлью помѣстилъ его въ Эдинбургскій университетъ. Но молодой человѣкъ выказалъ больше склонности къ наукамъ математическимъ и словеснымъ, нежели къ богословію. Сначала онъ пробовалъ свои силы на педагогическомъ поприщѣ, въ качествѣ учителя математики въ школѣ графства Файфъ, потомъ поступилъ воспитателемъ въ одно семейство и кончилъ тѣмъ, что рѣшительно отдался литературнымъ трудамъ. Изучивъ французскій и нѣмецкій языки, онъ началъ заниматься составленіемъ статей для энциклопедіи Брюстера и переводами. Въ числѣ первыхъ его литературныхъ работъ особенное вниманіе обратили на себя „Жизнь Шиллера“, книга, появившаяся въ 1823 г., и передѣлка Гетевского „Виль-

гельма Мейстера“, которая и послужила поводомъ къ перепискѣ между Гёте и Карлейлемъ. Въ 1827 г. Карлейль женился. Къ этой эпохѣ относятся критико-литературныя статьи его, которыя помѣщались въ разныхъ „Обозрѣніяхъ“ и только въ послѣдствіи появились отдѣльнымъ изданіемъ. 1834-й годъ имѣлъ двойное значеніе въ его жизни. Онъ окончилъ въ то время свое первое оригинальное сочиненіе „Sartor resartus“ и переѣхалъ въ Англію на постоянное жителство. „Sartor resartus“ (переодѣтый портной)—нѣчто въ родѣ философской буады—составилъ-эпоху въ литературной карьерѣ Карлейля, особенно потому, что тутъ онъ обнаруживаетъ впервые свой особый стиль и выказываетъ склонность къ фантастическому жанру, въ которомъ выразилась въ послѣдствіи его литературная фізіономія. Но послѣдующіе годы посвящены были составленію книги, которая привлекла къ себѣ гораздо больше вниманіе и сдѣлала репутацію автору. Это—его „Французская революція“, изданная въ 1837 г. Съ тѣхъ именно поръ Карлейль вошелъ въ большую славу. Каждое изъ его сочиненій ожидалось съ нетерпѣніемъ, читалось на расхватъ, обсуждалось съ уваженіемъ. Затѣмъ, въ цѣломъ рядѣ своихъ сочиненій онъ изложилъ свои социальныя и политическія взгляды; таковы сочиненія о „Чартизмѣ“, „Прошлое и настоящее“, „Памфлеты послѣднихъ дней“. За ними же слѣдовали историческія и біографическія работы о Кромвеллѣ (1845 г.), о Джонѣ Стерлингѣ (1851), о Фридрихѣ Великомъ (1858—1864). Старѣйшая и слабѣйшая изъ его работъ „Древніе короли Норвегіи“ издана въ 1875 г.

Чему же обязанъ Карлейль своей репутаціей? На чемъ основано его вліяніе?

Карлейль писалъ много и въ различномъ жанрѣ. Въ числѣ его сочиненій, которыя принадлежатъ къ чистой литературѣ, первыя, по времени своего появленія—„Жизнь Шиллера“ и критическія статьи, помѣщавшіяся въ разныхъ Reviews. Потомъ слѣдуютъ обширныя историческія труды о французской революціи, о Кромвеллѣ и Фридрихѣ Великомъ. Обычныя тенденціи, разсѣяныя во всѣхъ его сочиненіяхъ, какъ уже замѣчено выше, нашли свое примѣненіе политическое и социальное въ работахъ о „Чартизмѣ“, о „Прошломъ и настоящемъ“ и „Памфлетахъ послѣднихъ дней“. Но болѣе непосредственное выраженіе взглядовъ, какіе носилъ въ себѣ Карлейль, нужно искать въ сочиненіяхъ о „Герояхъ и культѣ героевъ“, отчасти въ „Sartor resartus“ и въ „Жизни Джона Стерлинга“, гдѣ многое относится къ самому автору. Отсюда видно, что Карлейль затрогивалъ разнообразныя предметы и однакоже едва ли есть сочиненія другого писателя, въ которыхъ обнаруживалось бы больше единства, чѣмъ у него.

И дѣйствительно, во всѣхъ поименованныхъ сочиненіяхъ замѣтна одна и таже, только ему свойственная манера и выражаться, и представлять себѣ вещи. Сразу видно, что имѣешь дѣло съ оригинальнымъ мыслителемъ, положившимъ начало цѣлой школѣ писате-

лей. О томъ, чтобы свести къ точной формулѣ его воззрѣнія и думать нечего. Особенность идей Карлейля, это — рѣшительное отвращеніе отъ всякаго рода опредѣленій, отъ всякаго, такъ сказать, логическаго и критическаго аппарата, которымъ довольствуются обыкновенные смертные, а, напротивъ, эта особенность въ витаніи въ сферѣ воображенія и чувства. Оттого то онъ и представляется мистикомъ. Мірѣ ему казался чѣмъ-то темнымъ, наполненнымъ глубокими тайнами. Природа, исторія, человекъ, все для него было предметомъ удивленія. Его обычное настроеніе душевное выражалось въ преклоненіи передъ этими тайнами. Онъ имѣлъ какую-то особую потребность непремѣнно обожать. Подобная склонность къ таинственному и возвышенному естественно приводила его къ преувеличеніямъ, человекъство представлялось ему занятымъ непрерывной гигантской борьбою между добромъ и зломъ. Мелочи же дѣйствительной жизни, напротивъ, казались одинаково отвратительными и забавными. Новѣйшее общество рисовалось всецѣло предавшимся лжи и рутинѣ. Народы ищутъ себѣ спасенія въ конституціяхъ, въ уравновѣшиваніи власти, въ парламентскихъ дебатахъ, въ изобрѣтеніяхъ такъ называемаго либерализма и прогресса, тогда какъ въ дѣйствительности и въ существѣ дѣла, на сторонѣ правительства превосходство силы. Въ этомъ отношеніи любопытны, между прочимъ, воспоминанія помѣщенныя въ газетѣ „Русь“ г-жею О. К. о Карлейлѣ. По ея словамъ, онъ особенно любилъ бранить англійскую конституцію и жестоко смѣяться надъ тѣми, кто ей вѣрилъ.

— „Numbug“, восклицалъ онъ, „чистѣйшій обманъ“!.. „Пожалуйста, не губите вы мнѣ моей Россіи нашей конституціей“, воскликнулъ онъ однажды... „Вѣдь въ парламентѣ царитъ болтовня, пошлая болтовня. Россія совершила много великаго. У ней и будущее великое. Пусть только развивается по своему, на своихъ собственныхъ ногахъ. Я люблю и всегда любилъ русскихъ“!.. Затѣмъ—разсказываетъ г-жа О. К.—онъ провелъ параллель между государемъ и королевою Викторіей, горячо восхваляя перваго за его реформы и любовь къ просвѣщенію, но сильно издѣваясь надъ второю, особенно за ея „Турко-Бивонсфильдство“...

Возвращаясь къ идеямъ Карлейля относительно человекъства, нельзя не замѣтить, что ихъ послѣднимъ словомъ являются герой и права героизма. Ему нужны Магометы, Кромвели, Фридрихи II-е, Наполеоны, потому что это настоящіе и непосредственные продукты природы. Отсюда уже легко предугадать, въ какой связи должны находиться теорія героизма у Карлейля съ его общими воззрѣніями на міръ. Человекъ рока, Провидѣнія, одаренный высокими свойствами, которыя заранѣе отводятъ ему верховное мѣсто въ мірѣ, такова, по его воззрѣніямъ, естественная дѣйствительность въ противоположность съ социальными фикціями, и въ то же время это—одна изъ силъ тайнаго міра, въ созерцаніе котораго англійскій писатель любитъ погружаться.

Если вполнѣ естественно намѣтить основную мысль, которая вдохновляла Карлейля, то, съ другой стороны было бы несправедливо утверждать, что все достоинство его сочиненій заключалось въ вышеупомянутомъ мистицизмѣ. Въ немъ виденъ, сверхъ того, историкъ и сатирикъ. Историкъ замѣчательный по сознательности своихъ изысканій и живости, съ какою онъ схватываетъ и изображаетъ физиономію событій. Его сила неоспорима. Онъ какъ будто обладаетъ, минуя всѣ его частныя особенности, даромъ вызывать прошлое, оживлять и воскрешать его, составить изъ него цѣлую драму, за которой читатель слѣдитъ неотступно. Стиль Карлейля изъ тѣхъ, которые задѣваютъ за живое читателя. Сверхъ того, Карлейль безспорно принадлежитъ къ школѣ драматической. За всѣми его моральными сентенціями, его заклинаніями и подобными странностями, не трудно замѣтить, что Карлейль, пиша исторію, хотѣлъ только рассказывать и рассказывать только для того, чтобы подѣйствовать на слушателя или читателя. Это артистъ своего дѣла. Самая торжественность его стиля не больше, какъ приправа все съ тою же цѣлюю.

Карлейль является историкомъ въ двухъ или трехъ сочиненіяхъ и сатирикомъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ. Его идеалистическія тенденціи проглядываютъ всюду въ формѣ постоянной и горькой насмѣшки надъ людьми и предметами современности. Онъ неисчерпаемъ въ своемъ негодованіи на недостатокъ искренности и великодушія, на сервилизмъ и жалкій видъ міра, который его окружаетъ. Одно слово у него безпрестанно подвергается подъ перо и имъ-то Карлейль резюмируетъ характеръ нынѣшняго вѣка. Слово это „sham“. Оно не поддается переводу и обозначаетъ сразу и фальшивую вѣщность, суетныя домогательства, лживые договоры, и общественное лицемеріе. Карлейль же возложилъ на себя миссію быть провозвѣстникомъ искренности. Эту искренность онъ желалъ бы примѣнить ко всему: она у него является священнымъ закономъ искусства, нравовъ политики.

То обоготвореніе силъ, о которомъ мы упомянули выше, само является послѣдствіемъ необходимости, какую испытываетъ писатель, нисходить во всемія до первоначальнаго и естественнаго положенія вещей. А что же реальнѣе силы? Что же доступнѣе пониманію, если не вліяніе, какимъ въ состояніи давать себя чувствовать личный авторитетъ, будь то геній, или просто штыкъ?

Одна изъ многихъ второстепенныхъ заслугъ философіи Гегеля, какъ извѣстно, состояла въ разрушеніи противоположности между формою и содержаніемъ. Нѣтъ такой основы, которая не имѣла бы своей формы, нѣтъ и формы, которая не предполагала бы извѣстной основы. Но никогда та и другая не была въ болѣе явной связи, нежели мысль Карлейля и его манера писать. Трудно отдѣлаться отъ мысли, когда читаешь его произведенія, что это—не аффектація; она выступаетъ рѣзко въ его безпрестанныхъ декламаціяхъ противъ

лицемѣрія вѣка. Его выспѣренныя мистическія воззрѣнія на невѣдомое, которое насъ окружаетъ, на вселенную, его преклоненіе передъ тайной бытія, представляютъ что то позирующее, дѣланное. Такъ и кажется, что все это разсчитано, надумано. Тоже слѣдуетъ замѣтить и относительно его стила. Это языкъ, будто намѣренно сфабрикованный писателемъ, и однакоже этому языку онъ обязанъ большею долей своего успѣха. Словарь Карлейля можно было бы составить изъ длинныхъ словъ, на манеръ нѣмецкихъ, изъ неупотребительныхъ формъ, сравнительныхъ и превосходныхъ степеней... Авторъ весь уходитъ въ странные термины, стереотипные эпитеты; фраза его будто отрублена, прервана. Карлейль, видно, нарочно дѣлалъ ее антимузыкальной, антиперіодичной, отрывочной. Прибавьте къ этому восклицанія, вопросительные знаки, воззванія къ дѣйствующимъ лицамъ, къ читателю, къ небесамъ и землѣ, ко всему на свѣтѣ, и вы получите понятіе о стилѣ Карлейля. Ничѣмъ такъ не злоупотребляетъ онъ, какъ словами Богъ, Безпредѣльность, Вѣчность, Глубина.

Нужно ли прибавлять, что эта смѣшанная роль пророка и буффона, эти выдѣланныя эксцентричности, производятъ скорѣе впечатлѣніе, будто ими авторъ пользуется, чтобы обратить вниманіе на себя, чѣмъ впечатлѣніе дѣйствительнаго убѣжденія? Съ самаго начала своей литературной карьеры Карлейль не писалъ такъ. Въ его „Жизни Шиллера“ обыкновенные англійскіе обороты. Если по его первымъ литературно-критическимъ статьямъ и можно отчасти предугадать, что выйдетъ потомъ изъ писателя, все же онъ не выказываютъ отличій отъ обыкновенно употребительнаго языка. Но „Sartor resartus“, который принадлежитъ почти къ той же эпохѣ, уже обнаруживаетъ странности. Съ тѣхъ поръ авторъ начинаетъ пользоваться излюбленной имъ манерой писать, которая имѣетъ двойную выгоду, будучи легче самой простѣйшей формы и возбуждая любопытство публики. Его „Французская революція“ (1837 г.) представляется уже совсѣмъ скроенной по особой мѣрѣ.

Вліяніе Карлейля, какъ писателя, измыслившаго свою манеру писать, было велико. Онъ вызвалъ цѣлый рядъ подражателей, которые, впрочемъ, вмѣсто того, чтобы заботиться о дѣльности и логичности своего изложенія, больше кичились своей виртуозностью или эффектами шарлатанскаго стила. Не избѣгли соблазна въ этомъ отношеніи и великіе таланты въ Англии. Рускинъ, на примѣръ, какъ и самъ Карлейль, кончилъ тѣмъ, что перешелъ отъ исключительнаго стила къ странному, и отъ аффектаціи дошелъ до мистификаціи.

Вліяніе философскихъ взглядовъ Карлейля было не меньше, чѣмъ и его литературная дѣятельность, но оно было болѣе спасительно и благотворно. Имя Карлейля останется навсегда въ исторіи мысли въ Англии. Онъ намѣтилъ рѣзко стезю своихъ воззрѣній. Какъ, не смотря на недостатки своего стила, онъ въ сущности былъ артистомъ, также точно, не взирая на претендательность его сентенцій, онъ былъ если не фи-

лософомъ, то, по крайней мѣрѣ, дѣйствовалъ на формироваку умовъ. Короче сказать, если бы требовалось общимъ образомъ опредѣлить моральное и интеллектуальное вліяніе Карлейля, мы бы замѣтили, что Карлейль въ особенности служилъ тому, чтобы порвать и раздвинуть пути, въ которыхъ загрузла мысль его согражданъ. Слушая, какъ онъ непрерывно твердилъ о божествѣ и вѣчности, о тайнѣ и обожаніи, въ немъ начинали видѣть провозвѣстника болѣе высокой и широкой религіи, сравнительно съ ходячими вѣрованіями. Съ тѣхъ поръ умозрѣніе проложило въ Англіи новую дорогу. Всемирныя тайны Карлейля смѣнялись точными изысканіями, строгими изслѣдованіями и опредѣленіями. Неизвѣстно, отдавалъ ли себѣ отчетъ въ этомъ самъ Карлейль, но во всякомъ случаѣ онъ достаточно прожилъ для того, чтобы видѣть свое вліяніе исчерпаннымъ, свою роль въ качествѣ учителя устарѣлой.

Вышеприведенныя воспоминанія г-жи О. К. содержатъ въ себѣ нѣсколько данныхъ, подтверждающихъ это. „85-лѣтній Карлейль пережилъ себя“—говоритъ г-жа О. К. Онъ замѣчалъ надъ собою весь процессъ разрушенія и нетерпѣливо жаждалъ смерти. „Прошлою весною г-жа О. К. уѣзжала изъ Лондона въ Россію. Карлейль, съ вѣрнымъ другомъ своимъ Джемсомъ Фрудомъ, пріѣхалъ къ ней... Разговоръ преимущественно касался ея отъѣзда, возвращенія, и только что вышедшей въ то время ея книги: „Россія и Англія“. Карлейль настаивалъ на необходимости сообщать какъ можно болѣе свѣдѣній о Россіи.

— Англія очень невѣжественна насчетъ васъ, заключилъ онъ.

Прощаясь, г-жа О. К. сказала ему „до свиданія“.

— О, нѣтъ, воскликнулъ онъ, какъ то испуганно. О, нѣтъ, повторилъ онъ, желайте мнѣ поскорѣй смерти. Мнѣ давно пора, давно! Неужели придется еще помучиться нѣсколько мѣсяцевъ? Это выше силъ.

Г-жа О. К. замѣтила ему, что друзьямъ его больно слышать такіа слова:

— Вы намъ дороги, намъ нужны ваши совѣты, ваши указанія; смерть ни отъ кого не уйдетъ, утѣшала она. Но Карлейль какъ будто считалъ себя забытымъ на землѣ...

Само собою разумѣется, видя свое вліяніе отжившимъ, Карлейль въ правѣ былъ утѣшать себя, что онъ служилъ уже переходомъ между прошлымъ и настоящимъ. А къ этому, конечно, сводится роль всѣхъ системъ; въ этомъ заключается лучшая слава, на какую только можетъ претендовать мыслитель на этомъ свѣтѣ...

О. Булгаковъ.

